

Jak Marriten

Пункт. 7.4

18+

Jak Marriten

Пункт 7.4

«Автор»

2026

Marriten J.

Пункт 7.4 / J. Marriten — «Автор», 2026

«Они не спят в гробах. Они развозят по Москве фургоны с надписью Медтехника». Сергей — бывший менеджер по продажам, заваленный долгами и отчаявшийся найти работу. Когда ему предлагают должность «специалиста по плановому забору биоматериалов» с зарплатой в 70 тысяч рублей, он соглашается, не задавая лишних вопросов. Вместе с наставником Глебом он колесит по ночным кварталам, входит в чужие квартиры и собирает кровь у мирно спящих граждан. Кажется, что это просто циничный бизнес, где людям списывают проценты по кредитам в обмен на их жизненную силу. Но однажды на точке Сергей встречает клиентку, которая не спит. Старуха Зинаида Аркадьевна встречает их с чаем и вареньем, как дорогих гостей. А следом он натывается на нелегальных вампиров, которые работают «в чёрную», и на след кровавого заговора внутри корпорации. Чтобы выжить, Сергею приходится не только осваивать азы «вампирского ремесла», но и расследовать преступления своих же коллег.

Содержание

Глава 1. Донор поневоле	5
Глава 2. Глеб	10
Глава 3. Пункт 7.4	17
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Пункт 7.4

Глава 1. Донор поневоле

Будильник сработал в семь утра, но Сергей не спал уже час. Он лежал в темноте и слушал, как за стеной сосед собирается на работу — сначала шум воды в трубах, потом глухие шаги, затем хлопок входной двери. Сосед был электриком и уходил рано, возвращался поздно и никогда не жаловался. Сергей ему завидовал. Электрик имел дело с проводами, которые либо работали, либо нет, и в его мире не было ничего, что нельзя починить отвёрткой и изолянтной. Сам Сергей уже полгода не мог починить собственную жизнь.

Он сел на кровати и посмотрел на телефон. Экран засветился синим, высветив время, дату и уведомление от банка: «Платёж по кредиту просрочен на 42 дня. Рекомендуем погасить задолженность до 15 числа во избежание судебного взыскания». Он смахнул уведомление и открыл почту. Два письма: отказ после собеседования в логистической компании, куда он ходил неделю назад, и рассылка от сервиса вакансий с подборкой «Работа для людей без опыта». Опыт у Сергея был — пять лет в продажах, сначала менеджером, потом старшим менеджером, потом руководителем отдела из трёх человек, которых он сам набрал и сам же обучил, а потом компания закрыла филиал, и всех троих уволили вместе с ним. Но опыт теперь ничего не значил, потому что рынок продаж сжался, как проколотый воздушный шар, и никто не искал человека, который умеет продавать то, что больше не производят.

Он встал, прошлёпал на кухню и включил чайник. Кухня была крохотной — три шага от плиты до холодильника, и холодильник гудел так, словно у него вот-вот откажет компрессор. Сергей достал из шкафчика банку растворимого кофе и посмотрел на дно: оставалось ещё на пару дней, если экономить. Хлеб закончился вчера, масло — неделю назад. Он насыпал в кружку две ложки с горкой, залил кипятком и сел за стол, на котором лежал раскрытый ноутбук. Экран горел тем же сайтом вакансий, что и вчера, и позавчера, и месяц назад.

Он пролистывал страницы механически, не вчитываясь. «Менеджер по работе с клиентами» — звонки, отчётность, оклад тридцать тысяч. «Оператор колл-центра» — ночные смены, сорок тысяч, но нужен свой компьютер и гарнитура. «Курьер на личном автомобиле» — у него была машина, старенький «Форд» десятого года, но бензин стоил дороже, чем платили за доставку. «Администратор в стоматологию» — требовалась девушка с опытом. «Специалист по плановому забору» — семьдесят тысяч до вычета, ночные смены, можно без медицинского образования.

Сергей кликнул на объявление почти случайно, просто потому что палец устал скроллить. Открылась страница с минимумом информации. Название компании — «Гемоглобин-сервис», логотип в виде красной капли, стилизованной под сердечко. Требования: ответственность, пунктуальность, отсутствие брезгливости к биоматериалам. Обязанности: плановый выезд к клиентам, проведение процедуры забора, соблюдение протокола, сдача контейнеров. Условия: оформление по ТК, ночные смены с девяти вечера до семи утра, служебный транспорт. Никаких намёков на то, что именно забирают. Биоматериалы — слово, которое могло означать что угодно, от крови до спинномозговой жидкости, но Сергей решил, что это, скорее всего, обычная кровь. Что ещё можно планово забирать у клиентов на дому? Волосы? Слюну? Ногти? Нет, наверняка речь шла о частной лаборатории, которая обслуживает анализы на дому. Или о донорской службе. Или о чём-то ещё, но это было неважно, потому что семьдесят тысяч до вычета звучали как музыка.

Он нажал «Откликнуться», заполнил короткую форму и приложил резюме, в котором последние полгода значились как «фриланс в сфере консультирования». Через пятнадцать минут телефон зазвонил с незнакомого номера.

— Сергей Викторович? — спросил бодрый мужской голос. — Меня зовут Игорь, я специалист по подбору персонала компании «Гемоглобин-сервис». Вы оставили отклик на вакансию специалиста по плановому забору. Можете подойти сегодня на собеседование? Часа в три? Отлично, адрес сейчас сброшу смс-кой.

Сергей не успел ничего ответить, кроме «да», и в трубке уже шли гудки. Через минуту пришло сообщение с адресом: Бауманская улица, дом 16, строение 4. Он скопировал адрес в карты и посмотрел панораму. Кирпичное здание советской постройки с глухим фасадом, дверь без вывески, рядом — арка во двор. Место выглядело так, будто в нём мог располагаться склад автозапчастей или подпольный цех по производству пельменей, но никак не медицинская компания. Сергей пожал плечами и пошёл бриться. Семьдесят тысяч стоили того, чтобы поехать в любую дыру.

К трём часам он подъехал к нужному дому. Припарковался у тротуара, заглушил двигатель и вышел. Дверь в здание оказалась тяжёлой, металлической, с глазком и кнопкой домофона. Он нажал кнопку, через паузу раздался щелчок, и дверь открылась. За ней обнаружился коридор, покрашенный светло-зелёной краской, с лампами дневного света, которые неприятно гудели. Пахло хлоркой и чем-то ещё — сладковатым, почти неуловимым, но определённо медицинским. Сергей пошёл по коридору, миновал дверь с табличкой «Лаборатория № 1 — посторонним не входить», затем «Лаборатория № 2 — доступ только по пропускам» и остановился перед дверью с табличкой «Отдел кадров». Он постучал.

— Открыто! — раздалось изнутри.

Кабинет оказался небольшим, но уютным, с окном, выходящим в глухую стену соседнего здания, поэтому дневного света почти не было, горела настольная лампа. За столом сидел мужчина лет сорока пяти, в голубой рубашке с закатанными рукавами, в очках с тонкой оправой, с бейджиком на груди. На бейджике было написано «Игорь, отдел персонала». На столе стояла кружка с надписью «HR — это вам не DR» и лежала стопка бумаг, придавленная стеклянным пресс-папье в форме сердца. Анатомического сердца.

— Сергей Викторович? — Игорь поднял глаза и улыбнулся. Улыбка была профессиональной, но не неприятной. — Присаживайтесь. Чаю? Кофе?

— Кофе, если можно, — ответил Сергей, опускаясь на стул для посетителей. Стул скрипнул под ним, как старый пёс, которого потревожили во сне.

Игорь нажал кнопку селектора и попросил кофе. Через минуту вошла девушка в белом халате, поставила на стол две кружки и так же молча вышла. Кофе пах нормально, даже вкусно.

— Итак, — начал Игорь, отпивая из своей кружки, — давайте сразу к делу. Наша компания занимается оказанием услуг населению в сфере биомедицинских процедур. Если совсем просто — мы помогаем людям, у которых избыток определённых биологических жидкостей, безопасно и с комфортом от них избавляться. Вы, наверное, слышали о донорстве крови? Здесь похожая схема, только мы работаем индивидуально, с выездом на дом, в ночное время, чтобы клиент не испытывал неудобств. Ваша задача будет состоять в том, чтобы совместно со старшим специалистом посещать адреса и проводить плановый забор. Оборудование мы выдаём, обучение проводится на месте, в течение первых смен. Медицинское образование не требуется, но требуется спокойное отношение к виду крови и биоматериалов. У вас с этим как?

— Нормально, — ответил Сергей. — В детстве хотел быть врачом, даже анатомический атлас читал. Потом передумал, но кровь меня не пугает.

— Отлично. — Игорь сделал пометку в блокноте. — Теперь формальности. Анкету заполните, пожалуйста.

Он подвинул к Сергею лист бумаги, на котором было напечатано около двадцати вопросов. Сергей взял ручку и начал читать. Первые пункты были стандартными: фамилия, имя, отчество, дата рождения, образование, предыдущие места работы. Дальше шли вопросы менее обычные: «Были ли у вас обмороки при виде крови?», «Страдаете ли вы бессонницей?», «Как

вы относитесь к ночному образу жизни?», «Готовы ли вы работать с людьми, находящимися в бессознательном состоянии?». Последний вопрос заставил его замереть. Он поднял глаза на Игоря.

— Бессознательное состояние? Это как?

— Клиенты спят, — спокойно пояснил Игорь. — Процедура проводится ночью, в комфортной для них обстановке. Сон — естественное состояние, во время которого человек не испытывает стресса. Мы ценим спокойствие клиента. Вам не нужно будет никого усыплять или будить, просто провести процедуру, пока человек отдыхает. Это гуманнее, чем вызывать его в лабораторию и заставлять сидеть в очереди.

Звучало логично, хотя Сергей почувствовал лёгкий укол где-то в области затылка. Что-то в этой логике было не до конца прозрачным, но он не мог ухватить, что именно. Он вернулся к анкете и честно написал, что с бессонницей не знаком, спит крепко, к ночному образу жизни относится положительно, а обмороков при виде крови у него не было даже в школьном медкабинете. В конце анкеты оставался последний, самый странный вопрос: «Ваше хобби: _____». Сергей подумал и вписал «чтение».

— Чтение? — Игорь заглянул в анкету. — Это хорошо. Значит, вы умеете сосредотачиваться на тексте. Нам нужны люди с устойчивым вниманием. Рутинная — главный враг. Один неверный прокол, и клиент просыпается, а это уже внештатная ситуация. Вы же не хотите, чтобы человек проснулся посреди ночи и увидел над собой незнакомца с иглой?

— Определённо нет.

— Вот и мы не хотим. Поэтому работаем аккуратно, по протоколу, с соблюдением всех инструкций. За нарушение протокола — штраф. За систематическое нарушение — увольнение. Зато если работаете чисто — премии, повышение, соцпакет. Медицинская страховка, кстати, расширенная, с включённой стоматологией. Через полгода можно взять путёвку в санаторий за счёт компании. Вам двадцать восемь? Самое время заняться здоровьем.

Сергей почти расслабился. Слова Игоря обволакивали, как тёплая вода, — всё звучало разумно, цивилизованно, даже заботливо. Компания заботится о клиентах, компания заботится о сотрудниках. Ночные смены — ну так у многих работа по ночам. Таксисты, охранники, пекари. Чем он хуже?

— Я готов, — сказал Сергей. — Что нужно подписать?

Игорь достал из папки договор. Пять страниц мелким шрифтом, но Сергей к тому моменту уже перестал вчитываться. Он пробежал глазами по заголовкам: «Предмет договора», «Права и обязанности сторон», «Ответственность за разглашение коммерческой тайны», «Порядок проведения процедур», «Техника безопасности при работе с биоматериалами». Последний раздел был выделен жирным шрифтом и содержал пункт, который Сергей прочитал, но не осознал: «В случае контакта биоматериала с кожей или слизистыми оболочками специалиста, последний обязан немедленно сообщить руководителю смены и пройти медицинское освидетельствование в течение двадцати четырёх часов». Он машинально кивнул и поставил подпись на последней странице.

— Добро пожаловать в команду, — Игорь пожал ему руку и протянул пластиковый пакет. — Здесь ваш комплект: два халата, сменная обувь, бейдж временный, постоянный получите через неделю, когда пройдёте медкомиссию. Медкомиссия у нас внутренняя, в соседнем крыле. Завтра в девять вечера ждите звонка. Ваш наставник свяжется и скажет, куда подъехать. Обычно встречаемся у метро, дальше на служебном транспорте.

Сергей взял пакет и вышел в коридор. Хлорка пахла уже не так резко, а может, он просто привык. У выхода он остановился и посмотрел на своё отражение в стеклянной двери. Отражение было самым обычным — парень двадцати восьми лет, среднего роста, волосы русые, лицо без особых примет. Он подумал, что завтра в это же время будет знать о своей новой работе гораздо больше, и эта мысль одновременно пугала и подбадривала.

Дома он разложил содержимое пакета на кровати. Два белых халата из плотной ткани, пахнущей аптекой. Тапочки на резиновой подошве, похожие на больничные бахилы, только многоразовые. Бейдж — пластиковая карточка с ленточкой, на которой было написано «Сергей Викторович, специалист по плановому забору (стажёр)». Фотографию он не делал, значит, сфотографировали прямо в кабинете, пока он заполнял анкету, — веб-камера на мониторе Игоря стояла под нужным углом. И инструкция на трёх страницах, озаглавленная «Памятка начинающего специалиста». Он сел в кресло и начал читать.

Памятка была написана сухим казённым языком, но чем дальше он читал, тем сильнее хмурился. Пункт 1: «Специалист обязан прибыть к месту встречи не позднее чем за десять минут до начала смены. Опоздание расценивается как нарушение трудовой дисциплины и влечёт наложение штрафа в размере пятисот рублей за каждые пятнадцать минут». Пункт 2: «Специалисту запрещается вступать в разговоры с клиентами, за исключением случаев, предусмотренных протоколом экстренного пробуждения». Пункт 3: «Специалист должен производить забор строго в объёме, указанном в маршрутном листе. Превышение объёма — штраф. Недобор — штраф». Пункт 4: «При обнаружении на точке посторонних лиц, следов взлома или иных признаков несанкционированного доступа специалист обязан немедленно покинуть помещение и связаться с руководителем смены». Пункт 5: «Специалист не имеет права разглашать информацию о клиентах, адресах, методах забора и любых иных аспектах деятельности компании. Нарушение карается увольнением без выходного пособия и передачей материалов в суд».

Сергей перевернул страницу. Там был раздел «Техника безопасности при работе с оборудованием»: схема насоса «Vita-Suctor 3000» с подписанными частями, описание игл разного диаметра, правила дезинфекции и утилизации. И в самом низу, мелким шрифтом, почти невидимым без лупы: «Компания не несёт ответственности за изменения в состоянии здоровья специалиста, связанные с длительным контактом с биоматериалами. Рекомендуется проходить плановый медосмотр каждые три месяца».

Он отложил инструкцию и посмотрел в потолок. Потолок был белым, с трещиной в углу, похожей на карту реки. Завтра он наденет халат и поедет куда-то в ночь со старшим специалистом, чтобы втыкать иглы в спящих людей. Это звучало абсурдно, но ровно настолько, насколько абсурдной была вся его жизнь последние полгода. По крайней мере, здесь платили деньги. По крайней мере, здесь не нужно было врать по телефону, что этот товар — лучший на рынке, когда сам знаешь, что это китайский ширпотреб с наценкой. Здесь нужно было просто прийти, сделать дело и уйти. Как сантехник. Или электрик. Только вместо труб — люди.

Сергей усмехнулся и пошёл на кухню ставить чайник. У него оставалось чуть больше суток до первой смены. Он решил выспаться, даже если спать не хотелось. Завтра должна была начаться новая жизнь — ночная, с халатом, с насосом, с маршрутным листом и штрафами за недобор. Он ещё не знал, что пункт 7.4 в маршрутном листе изменит всё. Но это случится завтра.

Пока же он лёг в кровать, закрыл глаза и попытался представить лицо своего наставника. Почему-то ему казалось, что это будет пожилой врач в очках, с усталыми глазами и тихим голосом. Он ошибался. Наставника звали Глеб, и на врача он не был похож совсем.

Остаток дня Сергей провёл в странном состоянии между сном и бодрствованием. Он то ли дремал, то ли просто лежал с закрытыми глазами, пропуская через голову обрывки инструкции. Просыпался, смотрел на часы, снова закрывал глаза. В семь вечера встал, поел гречки с тушёнкой — последней банки из запасов, купленных ещё в «проклятые времена», как он про себя называл период сразу после увольнения, когда ещё верил, что работа найдётся через пару недель. Потом принял душ, надел чистую футболку и джинсы, а сверху — куртку, потому что ночи были холодными. Халат он сложил в рюкзак, туда же бросил тапочки и бейдж. Вышел из дома за час до назначенного времени.

У метро «Бауманская» былолюдно, но толпа текла мимо него, как вода вокруг камня. Он встал у выхода из метро, достал телефон и стал ждать звонка. Телефон зазвонил ровно в девять.

— Сергей? — произнёс хриловатый голос. — Я Глеб, твой наставник. Вижу тебя. Стой на месте.

Через минуту к нему подошёл человек в кожаной куртке, с трёхдневной щетиной и прищуром, словно он постоянно смотрел на солнце, которого сейчас не было. От него пахло хлоркой, табаком и чем-то ещё — Сергей не сразу понял, но потом узнал: запах старых вещей из секонд-хенда, смешанный с металлическим оттенком, как от монет, которые долго держали в руках.

— Принёс халат? Молодец. Бейджик прицепишь позже, пока не надо. Машина вон там, в переулке.

Глеб развернулся и пошёл, не дожидаясь ответа. Сергей последовал за ним. В переулке стоял белый фургон с надписью «Медтехника» на боку, но надпись была нанесена поверх старой, и сквозь неё просвечивало что-то вроде «Мясная продукция». Глеб открыл водительскую дверь и жестом показал Сергею садиться рядом. Внутри пахло бензином и кожей.

— Слушай инструктаж, — сказал Глеб, заводя двигатель. — Работа простая. Сейчас я получил маршрутный лист на ночь. У нас двадцать адресов. На каждом адресе спит человек, с которым у нас договор. Мы заходим, ты светишь фонариком, я проверяю пульс оксиметром, потом ты втыкаешь иглу, подключаешь насос, ждёшь, пока наберётся норма. Норма указана в листе. Отклонение плюс-минус пятьдесят граммов — допустимо. Всё, что сверх — штраф. Недобор — штраф. Клиент не должен утром выглядеть как выжатый лимон. Понял?

— Понял. А почему клиенты спят?

— Потому что так удобно. Спящий человек не задаёт вопросов, не дёргается, не смотрит на тебя. Процедура проходит быстро и без стресса. Все наши клиенты подписали согласие на ночной забор. Им это выгодно: за каждую сдачу им списывают проценты по кредитам. Хорошая мотивация, правда?

Сергей кивнул. Он вспомнил свой просроченный платёж и на секунду представил, что мог бы стать клиентом «Гемоглобин-сервиса», если бы узнал об этом раньше. Лежишь себе, спишь, а проценты тают. Фантастика.

— Кровь, значит, — сказал он вслух.

— Кровь, — подтвердил Глеб. — Самая обычная. Не магия, не колдовство. Просто бизнес. Мы — логистическая компания с элементами медицины. Запомни это и не усложняй.

Фургон выехал на шоссе и покатил в сторону Кузьминок. Сергей смотрел в окно на проплывающие огни многоэтажек и думал, что эта ночь будет долгой. Ему было немного страшно, но гораздо больше — любопытно. Он ещё не знал, что к утру станет другим человеком. Или не человеком вовсе. Но это уже совсем другая глава.

Глава 2. Глеб

Фургон катил по ночной Москве, и Сергей молчал, потому что не знал, о чём говорить с человеком, который только что объяснил ему, что работа заключается в откачивании крови у спящих людей. Глеб молчал тоже, но иначе — как молчат люди, которым нечего добавить к уже сказанному. Он вёл машину одной рукой, вторая лежала на рычаге коробки передач, пальцы слегка постукивали по пластику в такт неслышной мелодии. В салоне пахло бензином, старым табаком и чем-то ещё — Сергей определил этот запах как смесь больничного спирта и мокрой кожи. На приборной панели горел экран навигатора, но маршрут был проложен не по карте, а по списку адресов, которые Глеб зачитывал с помятого листка.

— Значит, смотри, — сказал Глеб, не поворачивая головы. — Первая точка — Кузьминки, Волгоградский проспект, дом сто сорок два. Клиент — мужчина, сорок три года, вес восемьдесят два килограмма, норма восемьсот миллилитров. Кровь второй группы, резус положительный. В листе всё прописано, но я тебе буду подсказывать первые раз десять, потом запомнишь алгоритм и сам будешь видеть, что к чему. Алгоритм простой: приехали — проверили адрес — вошли — осмотрелись — нашли клиента — пульс — вена — игла — насос — ждать — отсоединить — обработать — уйти. В среднем четыре минуты на точку, если клиент лежит удобно и вена хорошая. Если вена плохая — до семи минут, но такое редко. У нас контингент в основном здоровый, потому что больные нам не нужны, у них кровь жидкая и показатели скачут.

— А откуда вы знаете группу крови и всё остальное? — спросил Сергей.

— Медицинская карта клиента. У каждого есть. Мы же не в подворотне работаем, у нас лицензия, договор, история заборов. Всё в базе. Я тебе потом покажу, как в планшете смотреть. Планшет в бардачке, кстати. Достань, включи.

Сергей открыл бардачок. Внутри лежал планшет в чёрном противоударном чехле, рядом с ним — пачка салфеток, рулон лейкопластыря и странный прибор, похожий на пистолет с толстым дулом и дисплеем сзади. Сергей взял планшет, включил. Экран загорелся, показал логотип «Гемоглобин-сервис» — каплю-сердечко, — затем запросил пароль.

— Пароль — четыре единицы, — сказал Глеб. — Не спрашивай почему.

Сергей ввёл пароль и попал в интерфейс, напоминающий смесь медицинской карты и приложения для доставки еды. Слева был список адресов с номерами, справа — подробная информация по каждому клиенту: имя, возраст, вес, группа крови, резус, дата последнего забора, рекомендованный объём, особые пометки. Особые пометки были разными: «вена на левой руке выражена слабо, использовать правую», «клиент спит беспокойно, возможны движения, фиксировать руку жгутом», «в квартире собака, не шуметь», «клиентка принимает снотворное, сон глубокий, можно чуть увеличить норму». Последняя пометка Сергею не понравилась, но он промолчал.

— Увеличить норму — это как? — всё-таки спросил он через минуту.

— На сто граммов, не больше, — ответил Глеб. — Если клиент на таблетках, он спит как убитый, можно взять чуть больше, он не заметит. Но это на усмотрение, я обычно не злоупотребляю. Перебор ведёт к анемии, анемия ведёт к жалобам, жалобы ведут к проверке. Оно нам не надо.

Машина свернула во двор, и фары выхватили из темноты панельную шестнадцатитажку с облупившейся краской на балконах. Глеб припарковался у третьего подъезда, заглушил двигатель и повернулся к Сергею.

— Первая точка. Смотри и запоминай. Пока я всё делаю сам, ты стоишь рядом и не отвлецаешься. Вопросы шёпотом, если что-то непонятно. Фонарик держи так, чтобы светил на

руку клиента, а не в лицо. Если клиент проснётся — не двигайся, не говори, не дыши громко. Я всё улажу.

— А что вы сделаете, если проснётся?

— Скажу, что мы из ночной медицинской службы, плановый осмотр, извините за беспокойство, спите дальше. Обычно срабатывает. Если не сработает — есть протокол экстренного пробуждения, но до него лучше не доводить. Там бумаг потом на неделю. Пошли.

Они вышли из машины. Глеб достал из багажника небольшой чемоданчик — тот самый, что Сергей видел на собеседовании, только теперь он был открыт, и Сергей успел заметить содержимое: две упаковки одноразовых шприцев, насос, жгут, спиртовые салфетки, вакуумные пробирки с цветными крышками и небольшой прибор, похожий на глюкометр. Глеб захлопнул чемоданчик, взял его в левую руку, правой достал из кармана ключ-вездеход — плоскую пластину с магнитной полосой — и направился к подъезду.

Дверь открылась с тихим писком. В подъезде пахло кошками и подгоревшей едой. Лампочка на первом этаже не горела, и Глеб включил фонарик, который висел у него на поясе. Луч света заметался по обшарпанным стенам, по почтовым ящикам с торчащими квитанциями, по лестнице с истёртыми ступенями. Они поднялись на четвёртый этаж пешком — лифт не работал, судя по табличке «Ремонт до 15 ноября», которая висела ещё с прошлого года.

Квартира номер сорок два. Глеб приложил ключ-вездеход к замку, подождал две секунды, пока сработает магнит, и бесшумно открыл дверь. Они вошли в тёмную прихожую. Пахло пылью, старыми обоями и ещё чем-то сладковатым — Сергей уже знал этот запах, так пахло в офисе, так пахла хлорка, смешанная с кровью. Глеб уверенно прошёл в комнату, ориентируясь по памяти или по какому-то внутреннему чутью. Сергей шёл за ним, стараясь не наступать на половицы, которые могли скрипнуть.

Клиент лежал на диване, укрытый серым одеялом. Мужчина средних лет, с залысинами и одутловатым лицом — видимо, пил по вечерам, потому что в воздухе чувствовался остаточный запах алкоголя. Он дышал ровно, с лёгким присвистом. На тумбочке стояла рамка с фотографией: женщина и ребёнок, но рамка лежала лицом вниз. Сергей заметил это и почему-то подумал, что клиент либо в разводе, либо вдовец. Одинокий мужчина, спящий в пустой квартире, сам того не зная, отдаёт кровь за списание процентов по кредиту.

Глеб поставил чемоданчик на стул, открыл его и кивнул Сергею: фонарик. Сергей направил луч на левую руку клиента. Глеб быстрым движением достал оксиметр — небольшую прищепку, которую надевают на палец, — и закрепил на указательном пальце мужчины. Прибор пискнул и показал цифры: пульс шестьдесят восемь, сатурация девяносто семь. Норма.

Дальше Глеб работал как автомат. Жгут на плечо, спиртовая салфетка, шприц. Игла вошла в вену на сгибе локтя — мужчина даже не пошевелился. Глеб подсоединил насос, и тот зажужжал едва слышно, как аквариумный компрессор. Кровь потекла по трубке в вакуумную пробирку. Глеб смотрел на часы — не на наручные, а на таймер в планшете, который Сергей держал в руках.

— Восемьсот миллилитров — это примерно две минуты сорок секунд на этой модели насоса, — шёпотом произнёс Глеб. — Следи за таймером. Когда запищит — отсоединяешь шланг, прижимаешь салфетку к месту укола, держишь тридцать секунд, потом заклеиваешь пластырем. Иглу — в специальный контейнер, не в мусорку. Контейнеры в чемоданчике, с жёлтой крышкой. Всё понял?

Сергей кивнул. Таймер запищал. Глеб отсоединил шланг, прижал салфетку, подержал, заклеил пластырем, убрал иглу в контейнер. Пробирку с кровью аккуратно поставил в специальный пенал с мягкими стенками, чтобы не разбилась в дороге. Затем взял из чемоданчика маленькую ампулу с прозрачной жидкостью, смочил ватку и протёр место укола ещё раз.

— Это регенерирующий раствор, — пояснил он. — Ускоряет заживление. К утру следа не останется, клиент даже не заметит, что к нему приходили. У нас всё по высшему разряду, мы не шарашкина контора.

Они вышли из квартиры так же тихо, как вошли. Глеб закрыл дверь на ключ-вездеход, проверил, заперт ли замок, и только тогда выдохнул. В подъезде по-прежнему было темно, но Сергею показалось, что темнота стала гуще, словно ночь за окнами сгустилась до состояния жидкости.

— Первая точка пройдена, — сказал Глеб уже в машине, заполняя что-то в планшете. — Девятнадцать осталось. Следующая — Выхино, Самаркандский бульвар, дом девять. Клиентка, женщина тридцати пяти лет, норма шестьсот миллилитров. Особые пометки: «после забора оставить на тумбочке витаминный комплекс, клиентка просила». Витамины в бардачке, в жёлтом пакете. Не забудь взять.

Сергей полез в бардачок и нашёл жёлтый пакет с аптечным логотипом. Внутри лежала упаковка шипучих таблеток с железом и флакон с витамином D. Он представил себе женщину, которая просыпается утром, находит на тумбочке витамины и думает, что это она сама их туда положила вечером, перед сном, просто забыла. Или не думает ничего, пьёт таблетку, растворяет в стакане воды и идёт на работу. И не знает, что ночью из неё выкачали шестьсот миллилитров крови.

— А зачем мы оставляем витамины? — спросил он.

— Сервис, — ответил Глеб. — Клиент должен чувствовать заботу. Даже если он не знает, о чём именно заботятся. Утром просыпается — на тумбочке витамины, настроение улучшается, день проходит лучше. Качество жизни растёт. А то, что он немного слабее, чем обычно, — так это списывается на погоду, на магнитные бури, на усталость. Люди вообще склонны списывать свои недомогания на что угодно, кроме правды. Правда им не нужна. Им нужен комфорт.

Машина выехала на Волгоградский проспект и покатила в сторону МКАДа. Ночная Москва за окном была пустой и тихой, лишь редкие такси проносились мимо с жёлтыми пашечками на крышах. Сергей смотрел на город и думал, что теперь он видит его иначе — не как место, где живут люди, а как карту с точками, на каждой из которых спит человек, подключённый к системе «Гемоглобин-сервиса». Сколько таких точек в Москве? Сотни? Тысячи? Десятки тысяч? Если у них двадцать адресов за ночь, а работает не одна бригада, то масштаб должен быть огромным. Он спросил об этом Глеба.

— Масштаб? — Глеб хмыкнул. — В Москве и области у нас примерно двести бригад. Двести бригад, каждая делает двадцать точек за ночь — это четыре тысячи заборов в сутки. В месяц — сто двадцать тысяч. В год — полтора миллиона. Это только Москва. В Питере ещё сто бригад, в Новосибирске пятьдесят, в Казани тридцать. Плюс выездные бригады, которые обслуживают удалённые районы. Компания большая. Очень большая. Но мы не единственные. Есть конкуренты: «Гема-Лайф», «Плазма-Сервис», «Вампир-Мед» — это бывшие, сейчас они переименовались, но суть та же. Рынок крови в России — это огромный бизнес, и мы в нём далеко не монополисты.

— И куда идёт вся эта кровь?

— На переработку, — Глеб пожал плечами. — Я не знаю всех деталей, я простой бригадир. Знаю, что часть идёт на анализы, часть — на производство препаратов, часть — на косметику. Говорят, что некоторые VIP-клиенты пьют её напрямую, но это слухи. Я в VIP-сектор не вхожу. Может, когда-нибудь тебе расскажут, если дорастёшь.

— До VIP-сектора?

— Нет, до правды.

Глеб замолчал, и Сергей понял, что тема закрыта. Он посмотрел на планшет, где горел адрес следующей точки: Самаркандский бульвар, дом девять, квартира шестьдесят три. Особые

пометки: «клиентка спит под музыку, наушники не снимать, иначе проснётся». Под музыку. Интересно, что она слушает? Моцарта? Белый шум? Звуки дождя? Или какой-нибудь подкаст про саморазвитие, который втолковывает ей в уши, что нужно больше зарабатывать и меньше тратить?

Машина свернула во двор, и Сергей увидел типовую девятиэтажку из силикатного кирпича. Окна были тёмными, кроме одного на шестом этаже — там горел ночник, и это была как раз та квартира, куда они ехали. Глеб припарковался, взял чемоданчик и жёлтый пакет с витаминами.

— В этот раз ты идёшь со мной и смотришь внимательно, — сказал он. — На следующей точке начнёшь помогать: будешь подавать салфетки, держать фонарь, обрабатывать место укола. А через пару точек — попробуешь сам ввести иглу. Под моим контролем. Не дрейфь, это проще, чем кажется. Вена — это не артерия, промахнуться трудно.

Они поднялись на шестой этаж на лифте, который, к счастью, работал. Перед дверью квартиры Глеб остановился и прислушался. Изнутри доносилась едва слышная музыка — что-то ритмичное, с басами, но приглушённое наушниками. Глеб кивнул и открыл дверь ключом-вездеходом.

Квартира была маленькой, однокомнатной, но ухоженной. В прихожей висело зеркало, под ним стояла тумба с косметикой, на вешалке — аккуратно развешенная одежда. Пахло ванилью и кофе — видимо, кофемашина работала до позднего вечера. В комнате, на кровати у окна, лежала женщина в пижаме с рисунком из единорогов. В ушах у неё действительно были наушники, провод тянулся к телефону на тумбочке. Глеб аккуратно, двумя пальцами, проверил наушники — не выпадут ли, — и приступил к процедуре.

На этот раз Сергей смотрел внимательнее. Он заметил, как Глеб выбирает вену: сначала осматривает сгиб локтя, потом предплечье, потом возвращается к локтю и легонько постукивает пальцем по коже, чтобы вена проступила чётче. Заметил, как он фиксирует руку клиентки жгутом, но не слишком туго, чтобы не оставить след. Заметил, как плавно входит игла — не под прямым углом, а под острым, почти параллельно коже. Заметил, как насос начинает гудеть и как тёмная жидкость бежит по трубке, заполняя пробирку.

— Попробуешь на следующей точке обработать место укола, — шёпотом сказал Глеб. — Это самое простое. Салфетку прижимаешь плотно, но без фанатизма, тридцать секунд, потом пластырь. Запомнил?

Сергей кивнул.

Они закончили процедуру, Глеб оставил на тумбочке жёлтый пакет с витаминами, и они вышли. В машине Глеб снова заполнил планшет — отметил время, объём, состояние клиентки, — и завёл двигатель.

— Две точки из двадцати, — сказал он. — Ещё восемнадцать. Не устал?

— Нет, — ответил Сергей. — Пока всё как в тумане.

— Это нормально. Первая смена всегда как туман. Ты ещё не привык к ночному графику, организм сопротивляется. Через неделю адаптируешься, через месяц не сможешь спать по ночам, даже если захочешь. У всех так. Мы — ночные существа, Серёжа, нравится тебе это или нет.

Ночные существа. Сергей повертел это словосочетание в голове. Оно звучало почти романтично, если бы не тот факт, что «ночные существа» в данном случае означало «люди, которые за деньги втыкают иглы в спящих граждан». Он представил, как рассказывает о своей новой работе бывшим коллегам из отдела продаж — Вадиму, который теперь торгует окнами, или Лёне, который устроился в такси, — и усмехнулся. Ему бы не поверили. А если бы поверили — не поняли. А если бы поняли — не одобрили. Впрочем, какая разница? Ипотеку нужно платить, а мораль — штука растяжимая, как резиновый жгут на сгибе локтя.

Следующие три точки прошли без происшествий. Молодой парень в Кузьминках, который спал с открытым окном, хотя на улице было градусов десять тепла. Женщина средних лет в Текстильщиках, у которой на тумбочке стояла фотография собаки — собака, судя по всему, умерла, потому что рядом с фотографией лежал ошейник. Мужчина в Люблино, который храпел так, что Глеб дважды проверял, не проснётся ли он от собственного храпа. На пятой точке Сергей впервые самостоятельно обработал место укола — салфетка, пластырь, тридцать секунд, — и Глеб одобрительно кивнул.

— На шестой точке попробуешь ввести иглу, — сказал он.

Шестая точка находилась в районе Жулебино. Адрес был занесён в планшет с пометкой «VIP-клиент, соблюдать особую осторожность, после забора оставить подарочный сертификат». Сергей прочитал это вслух.

— Подарочный сертификат?

— В бардачке, в красном конверте. Сертификат на бесплатный анализ крови в одной из наших лабораторий. Ирония, конечно, но клиентам нравится. Они чувствуют себя особенными. VIP-статус — это когда клиент сдаёт кровь не за списание кредита, а за дополнительные услуги. Например, за анализы, которых он не просил, за витамины, которые мы ему оставляем, за консультации врача по телефону. VIP-клиенты думают, что они в элитном клубе здоровья, а на самом деле просто отдают кровь более высокого качества.

— А чем их кровь отличается от обычной?

— Ничем. Просто у них денег больше, поэтому они платят не кредитами, а наличными. Вернее, не платят, а получают сертификаты, которые сами же и оплатили, включив в абонентскую плату. Красивая схема.

Машина подъехала к новому жилому комплексу с охраняемой территорией. Глеб показал пропуск охраннику, тот кивнул и открыл шлагбаум. Они припарковались у нужного подъезда — стеклянные двери, консьерж, цветы в кадках. Сергей почувствовал себя неуютно: здесь камеры, здесь охрана, здесь всё фиксируется. Но Глеб был спокоен.

— Не дёргайся, — сказал он. — У нас легальный доступ. Все камеры пишут, но запись уходит в облако, доступ к которому имеет только наша служба безопасности. Никто не увидит, как мы заходим в квартиру. Никто не узнает, что мы там делаем. VIP-клиенты сами подписали согласие на полную конфиденциальность. Им не нужны свидетели их ночных процедур.

Они поднялись на лифте на одиннадцатый этаж. Квартира была просторной, с дорогим ремонтом и панорамными окнами. Клиент — мужчина лет пятидесяти, в дорогом халате, — спал на кровати с балдахином. На тумбочке стоял бокал с остатками виски и лежала книга в твёрдой обложке — что-то про инвестиции. Сергей заметил, что у мужчины на руке дорогие часы, которые он не снял перед сном, и почему-то подумал, что часы, наверное, мешают, но клиент к ним привык.

Глеб подготовил оборудование и посмотрел на Сергея.

— Давай. Иглу вводишь ты. Я страхую.

Сергей взял шприц. Руки не дрожали, но внутри всё сжалось. Он наложил жгут на плечо мужчины — тот не пошевелился. Нашёл вену — она была хорошо видна, голубая полоска под бледной кожей. Обработал спиртовой салфеткой. Поднёс иглу.

— Плавно, под углом, — шепнул Глеб.

Игла вошла. Сергей почувствовал лёгкое сопротивление кожи, затем — пустоту, когда остриё попало в вену. В шприце показалась тёмная капля. Он подсоединил насос, и тот зажужжал. Глеб молча кивнул. Сергей выдохнул, сам не заметив, что задерживал дыхание.

Процедура прошла штатно. Когда насос отключился, Сергей отсоединил шланг, прижал салфетку, заклеил пластырем, убрал иглу в контейнер. Глеб тем временем положил на тумбочку красный конверт с сертификатом. Они вышли из квартиры, и только в лифте Сергей позволил себе улыбнуться.

— Поздравляю, — сказал Глеб. — Первый укус. Теперь ты настоящий вампир.

— Вампиры пьют кровь, — ответил Сергей. — А мы её собираем в пробирки и сдаём на склад.

— Технически — да. Но суть та же. Мы забираем у людей их жизненную силу, пока они спят. Просто мы делаем это цивилизованно, с лицензией и уплатой налогов.

Они сели в машину и поехали дальше. Впереди была точка номер семь, дробь четыре — та самая, которая изменит всё. Но Сергей об этом ещё не знал. Он сидел в фургоне, смотрел на планшет с адресами и думал, что, наверное, сможет привыкнуть к этой работе. В конце концов, это просто работа. Не хуже и не лучше других.

За окном проплывали ночные районы Москвы, и каждый многоэтажный дом был полон спящих людей, которые не знали, что прямо сейчас по их адресам едет белый фургон с надписью «Медтехника». И в этом фургоне сидит Сергей — человек, который ещё вчера искал работу менеджером по продажам, а сегодня уже втыкал иглу в вену спящего инвестора. Мир устроен странно, подумал Сергей. Но странность эта имела свою логику, и логика эта была ему почти понятна.

Почти.

Глеб включил радио. Поймалась какая-то ночная станция, передавали старый джаз. Саксофон звучал хрипло и одиноко, как голос человека, который курит на балконе в четыре утра и смотрит на пустой город. Сергей закрыл глаза и представил себе этого человека. Может быть, он тоже клиент. Может быть, к нему тоже приедут сегодня ночью. А может быть, он сам — один из нас, подумал Сергей, и эта мысль показалась ему забавной. Он открыл глаза и посмотрел на Глеба. Тот курил, выпуская дым в приоткрытое окно, и барабанил пальцами по рулю в такт саксофону.

— Глеб, а ты давно работаешь в компании? — спросил Сергей.

— Восемь лет, — ответил Глеб. — Пришёл сразу после армии. Думал, временно, перекачаться, пока нормальную работу не найду. А оказалось — навсегда. Здесь свои плюсы: зарплата стабильная, коллектив небольшой, начальство далеко. И минусы тоже есть, но где их нет.

— А кем ты был до армии?

— Никем. Пацаном. Школу закончил, поступил в техникум, бросил через полгода, потом армия. После армии попробовал охранником, не понравилось. Попробовал грузчиком — спина отвалилась. А тут подвернулась вакансия. Я пришёл, думал, буду кровь из пальца брать для анализов, а оказалось — из вены и по ночам. Но платили хорошо, и я остался. Сейчас уже и не представляю, чем ещё можно заниматься. Я ночной человек. Днём сплю, ночью живу. Удобно: магазины пустые, пробок нет, люди не мешают.

— А семья у тебя есть?

— Была. Жена ушла через два года. Сказала, что не может жить с человеком, который приходит под утро и пахнет хлоркой. Я её понимаю. Детей нет, и хорошо, что нет. Эта работа не для семейных.

Сергей хотел спросить ещё что-то, но Глеб выбросил окурок в окно и кивнул на планшет.

— Всё, приехали. Точка номер семь, дробь четыре. «Первомайская», хрущёвка. Клиентка — Зинаида Аркадьевна, семьдесят четыре года. Особые пометки: «любит поговорить, если не спит». Надеюсь, сегодня спит.

Сергей посмотрел на экран планшета. Адрес, имя, возраст, норма — четыреста миллилитров, пониженная из-за возраста. Он почему-то запомнил этот адрес сразу, хотя ещё не знал, что через несколько часов будет перечитывать его снова и снова, пытаясь понять, что же его так зацепило в этой старухе.

Глеб припарковался у пятиэтажки с облупившимся фасадом. В окнах горело только одно — на третьем этаже, слева от подъезда. Именно туда им и нужно было.

— Кажется, не спит, — сказал Глеб. — Ладно, идём. Если не спит — по протоколу экстренного пробуждения не работаем, но посмотрим на месте. Иногда старики просто забывают выключить свет.

Они вышли из машины. Сергей взял чемоданчик, хотя ещё не должен был этого делать — по протоколу оборудование носил старший смены, — но Глеб не возражал. Они поднялись на третий этаж пешком, и Глеб, вздохнув, нажал на кнопку звонка. Внутри квартиры раздались шаги — лёгкие, быстрые, совсем не старческие. Дверь открылась.

На пороге стояла Зинаида Аркадьевна — маленькая, сухонькая, в бигудях и халате с розами. Она посмотрела на Глеба, потом на Сергея, и вдруг улыбнулась.

— А я вас ждала, — сказала она. — Чай будете?

Глава 3. Пункт 7.4

Зинаида Аркадьевна стояла в дверях, и в её улыбке не было ни капли страха или смущения. Так улыбаются люди, которые ждали гостей, заранее поставили чайник и теперь рады, что не пришлось пить чай в одиночестве. Сергей заметил, что она смотрит не на Глеба, а на него, и в этом взгляде читалось скорее любопытство, чем тревога.

— Заходите, заходите, — сказала она, отступая вглубь прихожей. — У меня чисто, тапки не нужны, проходите так. Только свет в коридоре не зажигайте, он моргает, действует на нервы. Идите на кухню, там всё готово.

Глеб переглянулся с Сергеем и едва заметно пожал плечами: мол, делать нечего, протокол уже нарушен, отступать поздно. Они прошли по узкому коридору, стены которого были увешаны рамками с фотографиями. Сергей успел заметить несколько: женщина с ребёнком на руках — видимо, сама Зинаида Аркадьевна в молодости; мужчина в военной форме с орденскими планками; мальчик с глобусом; групповой снимок на фоне моря; та же женщина, только старше, с букетом роз. Пахло сушёными травами, старыми книгами и чем-то неуловимо домашним — то ли ванилью, то ли воском.

Кухня была маленькой, как и всё в хрущёвках, но уютной. На подоконнике стояли горшки с геранью, на столе — скатерть в красную клетку, блюдо с баранками, вазочка с вишнёвым вареньем и три чашки с блюдами. Три чашки — значит, действительно ждала. Чайник уже закипал, выпуская пар из носика. Зинаида Аркадьевна села на табурет, поправила бигуди и жестом пригласила садиться.

— Садитесь, садитесь, не стойте. Вы Глеб, я вас помню, вы приходили в прошлый раз, только тогда вы были один. А это кто? Новенький? Как зовут?

— Сергей, — сказал Сергей, опускаясь на табурет. Табурет скрипнул, но держал крепко.

— Серёжа, значит. Хорошее имя. Моего мужа Сергеем звали. Он, правда, давно умер, уже двадцать лет как. Но имя хорошее, надёжное. Вы пейте чай, не стесняйтесь. Я знаю, у вас график, но пять минут ничего не решат. Тем более что у меня бессонница проклятая, я всё равно не сплю.

Глеб взял чашку, но пить не стал. Он сидел, откинувшись на спинку стула, и смотрел на Зинаиду Аркадьевну с тем выражением, с каким опытный таксист смотрит на пробку впереди: неприятно, но неизбежно.

— Зинаида Аркадьевна, — начал он, — по инструкции я должен вам напомнить, что клиент обязан находиться в состоянии сна во время процедуры. Если вы не спите, мы не имеем права проводить забор. Это нарушение протокола.

— Ах, протокол, — отмахнулась она. — Я этот протокол наизусть знаю. Мне его ещё в две тысячи четвёртом выдали, когда я ваш договор подписала. Там мелким шрифтом написано, что если клиент не спит по вине компании, то компания несёт ответственность. Но если клиент не спит сам, по своей воле, и при этом выражает согласие на процедуру в устной форме, то забор возможен. Верно я помню?

Глеб удивлённо приподнял бровь.

— Вы юрист?

— Нет, я санитарка. Вернее, была санитаркой. Сорок лет на «Скорой помощи». Всякое повидала. И кровь, и протоколы, и нарушителей. Вы думаете, я ваших коллег первый раз вижу? Ко мне уже три года ходят. Каждую неделю, как по расписанию. И знаете, что я вам скажу? Вы единственные живые люди за всю неделю. Соцработник приходит по четвергам, но она торопится, у неё план, она даже чай не пьёт. Соседка заглядывает, но редко, у неё свои болячки. Внук в Канаде, звонит раз в месяц. А вы приходите ночью, когда тихо, и можно просто посидеть, поговорить. Я понимаю, что вы по работе, но мне от этого только легче. Так что давайте

я сейчас выскажу своё устное согласие, а вы потом сделаете, что должны. Согласна я. В устной форме. Записывайте.

Глеб вздохнул и полез в чемоданчик. Сергей заметил, что он не стал спорить. То ли действительно в протоколе была такая лазейка, то ли Глеб просто не хотел связываться с упрямой старухой, которая помнила инструкции лучше, чем он сам.

— Четыреста миллилитров, — сказал Глеб, доставая шприц. — Руку давайте.

— Левую, — сказала Зинаида Аркадьевна, закатывая рукав халата. — Правая у меня рабочая, на ней вены хуже. А левая — смотрите, какая красота. Мне в больнице всегда говорили: «Зинаида Аркадьевна, у вас вены мечта, прямо как шоссе». Это у меня от мамы. У неё тоже вены были хорошие.

Сергей посмотрел на её руку. Вены действительно проступали отчётливо, синие полосы под тонкой, почти прозрачной кожей. Кожа была сухой, с пигментными пятнами, но чистой, ухоженной. Видно было, что женщина следит за собой, несмотря на возраст и одиночество.

Глеб наложил жгут, обработал сгиб локтя спиртом и плавно ввёл иглу. Зинаида Аркадьевна даже не поморщилась. Она продолжала говорить, и её голос не дрогнул ни на секунду.

— Вы знаете, я ведь в вашу компанию попала случайно. Три года назад пришла ко мне женщина, представилась агентом. Сказала, что есть программа для пожилых людей: «Ночной комфорт». Вы платите — вернее, не платите, а сдаёте кровь, — а вам за это списывают проценты по кредитам. У меня кредита не было, но был долг за квартиру. Она сказала: можно и так. Я подписала, и с тех пор каждую неделю приходят. Сначала боялась, потом привыкла. А потом поняла, что жду. Не крови, а людей. Вы же единственные, кто приходит ночью. Днём все заняты, бегут, спешат. Ночью — тишина. И тут вы. Как Деды Морозы, только вместо подарков — шприцы.

Она засмеялась. Смех у неё был молодой, звонкий, совсем не старушечий. Сергей невольно улыбнулся.

— А вы не боитесь? — спросил он. — Ну, что мы кровь забираем, что вы слабее становитесь?

— А чего бояться? Смерти? Я её каждый день на «Скорой» видела. Знаете, сколько людей у меня на руках умерло? Десятки. Может, сотни. Я и сама уже старая, мне семьдесят четыре. Чего бояться — не смерти, а одиночества. Вот одиночества я боюсь. А кровь — ерунда. У меня её много. И давление сто семьдесят на сто, так что мне даже полезно немножко разгрузиться. Врачи так и говорят: «Вам бы кровопускание, Зинаида Аркадьевна». Я им не говорю, что у меня и так кровопускание, только ночное.

Глеб тем временем отсоединил шланг, прижал салфетку и заклеил пластырь. Зинаида Аркадьевна опустила рукав и взяла чашку с чаем.

— Вот и всё, — сказала она. — Быстро вы сегодня.

— У нас норма четыреста, — сказал Глеб. — Меньше, чем у остальных.

— Знаю. У меня и норма меньше, и платят меньше. Но мне хватает. Вы варенье попробуйте. Сама варила, вишня с дачи. Дача у меня в Быково, мы туда с мужем ещё в восьмидесятых ездили. Сейчас внук приезжает раз в год, собирает вишню, а я варю. В прошлом году двадцать банок закатала, до сих пор едим. Вы возьмите баночку с собой. У вас ночь длинная, захочется сладкого.

Она встала, подошла к шкафчику и достала оттуда литровую банку варенья. Протянула Сергею.

— Держите. Вам, как новенькому, подарок.

Сергей растерянно взял банку. Она была тяжёлой, прохладной, с аккуратной этикеткой «Вишня-2023». Он хотел отказаться, но Глеб незаметно кивнул — мол, бери, не спорь. Сергей кивнул и сунул банку в рюкзак.

— Спасибо, — сказал он.

— Не за что. Приходите ещё. По графику вы у меня через неделю, верно? Я специально сверялась. Вы, Глеб, тогда не один приходите, а с Сергеем. Мне с ним интересно. Он новенький, ещё не испорченный. Глаза у него живые.

Глеб хмыкнул.

— Живые глаза — это временно. Через месяц будут как у всех.

— Не скажите. Я за сорок лет работы на «Скорой» кого только не видела. У одних глаза гаснут через неделю, у других — никогда. Сергей — из тех, у кого не гаснут. Я такие вещи чувствую. Санитарка старая, а чутьё молодое.

Она проводила их до двери. На прощание сунула Сергею в руку сложенный вчетверо листок.

— Это мой телефон. И адрес. На случай, если захотите зайти не по графику. Я всегда дома. Всегда не сплю.

Они вышли в подъезд. Дверь за ними закрылась с тихим щелчком. Глеб молча спускался по лестнице, и Сергей чувствовал, что наставник недоволен, но не может сформулировать, чем именно. Только когда они сели в фургон, Глеб заговорил.

— Запомни: это исключение. Одноразовое. Со старухой — да, она особый случай, она сама согласилась, и у неё стаж, и протокол мы формально не нарушили. Но больше никаких чаепитий. Клиенты должны спать. Это правило, а не пожелание. Если ты на каждой точке будешь разводить дискуссии о жизни, мы не выполним план, получим штраф и вылетим с работы. Ты этого хочешь?

— Нет, — сказал Сергей. — Не хочу.

— Тогда слушай, что я говорю. Зинаида Аркадьевна — это пункт семь дробь четыре. Она уникальна. Остальные девяносто девять процентов клиентов спят и знать нас не знают. И слава богу. Потому что если каждый клиент начнёт просыпаться и предлагать чай, наша работа превратится в чёрт-те что. В социальную службу. А мы не социальная служба. Мы — «Гемоглобин-сервис». Логистика. Медицина. Бизнес. Понял?

— Понял.

— Вот и отлично. Поехали дальше. У нас ещё четырнадцать точек.

Фургон выехал со двора и покатил в сторону шоссе. Сергей смотрел в окно и думал о Зинаиде Аркадьевне. О её глазах, которые действительно были живыми, несмотря на возраст. О её голосе, который не дрогнул, когда игла вошла в вену. О банке варенья, которая лежала в рюкзаке и, казалось, грела спину. И о том, что она сказала напоследок: «Приходите не по графику». Он знал, что не придёт. И знал, что придёт. Оба этих знания существовали в нём одновременно и не мешали друг другу.

Следующие три точки прошли штатно. Молодой мужчина в Кожухово, который спал так крепко, что Глебу пришлось дважды проверять пульс. Женщина в Печатниках, в квартире которой пахло кошками, хотя самих кошек видно не было. Парень в Марьино, который перед сном забыл выключить телевизор, и теперь по комнате металась синие отблески ночного канала, где крутили старый фильм про войну. Сергей работал уже почти автоматически: жгут, вена, игла, насос, салфетка, пластырь. Глеб молча контролировал процесс, иногда поправлял, иногда кивал. К середине ночи Сергей чувствовал себя почти уверенно.

На очередном перегоне между точками Глеб неожиданно заговорил сам.

— Знаешь, почему я не люблю, когда клиенты не спят? — спросил он, не отрывая взгляда от дороги.

— Почему?

— Потому что спящий человек — это объект. Процедура. Ты можешь сделать всё быстро, чисто, без эмоций. А когда человек не спит, он становится личностью. У него есть имя, история, проблемы. Он смотрит на тебя и ждёт чего-то. Сочувствия, участия, разговора. А я не могу дать ему ни сочувствия, ни участия. Я на работе. Я должен за ночь обработать двадцать точек

и сдать контейнеры до семи утра. Если я на каждой точке буду выслушивать истории, я сойду с ума. Либо сопьюсь. Либо и то и другое.

— А Зинаида Аркадьевна? — спросил Сергей. — Ты же к ней ходишь уже три года. Значит, привык?

— К ней — да. Но она исключение. Она сама была в системе, она понимает правила. Она не просит ничего лишнего. Чай, баранки, разговор — это её способ оставаться человеком. Я ей это позволяю. Но не более того.

— А что значит «она была в системе»?

Глеб помедлил с ответом. За окном проплывали тёмные корпуса какого-то завода, потом мост через железную дорогу, потом снова жилые кварталы. Он закурил, выпустил дым в окно и сказал:

— Она работала на «Скорой помощи». В девяностые и нулевые. Тогда многие санитары и врачи знали про такие компании, как наша. Иногда помогали, иногда мешали, иногда сами подрабатывали. Времена были дикие. Я тогда ещё не работал, но слышал. Говорят, что в девяносто восьмом, после кризиса, наша компания разрослась втрое. Люди массово подписывали договоры, потому что есть было нечего, а тут — списание долгов за кровь. Зинаида Аркадьевна, наверное, много чего видела. Поэтому она нас не боится. Она сама была по ту сторону, только без халата «Гемоглобин-сервиса», а с носилками и аптечкой.

Сергей молча переваривал информацию. Картина начинала складываться. Значит, компания существовала давно, ещё с девяностых, а может, и раньше. Значит, санитарка со «Скорой» знала о ней и не считала чем-то из ряда вон выходящим. Значит, масштаб действительно был огромным, и корни уходили глубоко в ту эпоху, когда страна лежала в руинах, и люди были готовы на что угодно ради выживания. И он, Сергей, был всего лишь винтиком в этой машине, которая работала десятилетиями до него и будет работать десятилетиями после.

— А ты сам когда-нибудь был клиентом? — спросил он вдруг.

Глеб бросил на него короткий взгляд и снова уставился на дорогу.

— Нет. И тебе не советую. Сотрудникам нельзя. По внутреннему уставу.

— Почему?

— Потому что если сотрудник станет клиентом, он узнает о компании слишком много. А компания не любит, когда сотрудники знают больше, чем им положено. Знание — это риск. Риск — это утечка. Утечка — это конец бизнеса. Поэтому мы просто работаем. Делаем своё дело и не задаём лишних вопросов.

— А ты задавал?

— Задавал. Когда только пришёл. Мне ответили — так же, как я тебе сейчас. А потом я перестал спрашивать. Потому что понял: ответы мне не понравятся. А работа устраивает. Деньги платят, график удобный, начальство далеко. Зачем портить себе жизнь?

Сергей хотел возразить, но не успел. Машина подъехала к очередному адресу — спальный район, панельная башня, дом пятнадцать, квартира сто двенадцать. Глеб заглушил двигатель и взялся за чемоданчик.

— Всё, приехали. Работаем.

Смена продолжалась. Сергей колол, обрабатывал, заклеивал, смотрел на таймер. Ночь тянулась бесконечно, как лента конвейера, и каждая точка была похожа на предыдущую, но не совсем. Где-то пахло лекарствами, где-то — едой, где-то — духами. Где-то на тумбочке лежала книга, где-то — детский рисунок, где-то — пустой стакан. Сергей начал замечать детали, которые раньше ускользали: фотографии, надписи на обоях, царапины на мебели. Каждая квартира была маленькой вселенной, и он ненадолго в неё вторгся, чтобы уйти, оставив после себя только пластырь на сгибе локтя и лёгкий запах спирта.

К четырём утра они сделали девятнадцать точек из двадцати. Оставалась последняя — в Некрасовке, в новостройке на окраине. Сергей уже клевал носом, но держался. Глеб, напротив, выглядел свежим, словно только что проснулся.

— Последняя точка, — сказал он. — Сейчас быстро отработаем и на склад. Там сдадим контейнеры и по домам. Ты как, нормально?

— Нормально, — ответил Сергей. — Только глаза слипаются.

— Это с непривычки. Через неделю будешь как я — спать днём, жить ночью. Привыкай.

Машина свернула во двор новостройки. Здесь всё было иначе, чем в старых районах: ровный асфальт, разметка, подземный паркинг, стеклянные двери подъездов, камеры на каждом углу. Глеб припарковался у нужного подъезда и взял планшет.

— Точка двадцать. Клиент — мужчина, тридцать два года, норма девятьсот миллилитров. Особые пометки: «клиент спит чутко, не шуметь». И ещё: «дверь открывается магнитным ключом, но замок иногда заедает». Дёргай ручку на себя и вверх, иначе не войдём.

Они поднялись на восьмой этаж. Подъезд был чистым, пахло краской и новым пластиком. Глеб подошёл к двери квартиры номер восемьдесят четыре, достал ключ-вездеход и приложил к замку. Раздался писк, но дверь не открылась. Глеб дёрнул ручку на себя и вверх — безрезультатно. Дёрнул ещё раз — замок щёлкнул, дверь подалась.

Они вошли в тёмную прихожую. И сразу стало ясно: что-то не так.

В спальне горел ночник, и оттуда доносился звук — не храп, не дыхание, а влажное, чавкающее, какое-то неправильное. Глеб замер и медленно, почти бесшумно, потянулся к поясу, где висел электрошокер. Сергей инстинктивно отступил на шаг. Глеб приложил палец к губам и двинулся в сторону спальни.

То, что он увидел, заставило его выругаться сквозь зубы. Сергей заглянул следом.

Клиент лежал на кровати в той же позе, что и все остальные, — на спине, руки вдоль тела, одеяло до пояса. Но над ним склонилась фигура в чёрном плаще с капюшоном. Лица видно не было, только затылок и плечи. Фигура не держала в руках ни шприца, ни насоса — она просто припала к шее клиента и делала именно то, что Сергей до сих пор считал киношным вымыслом. Пила.

Глеб щёлкнул кнопкой электрошокера, и разряд с треском прорезал воздух.

— Стоять! — рявкнул он, включая верхний свет. — Лицензия есть?

Фигура отдёрнулась от шеи клиента, развернулась и сбросила капюшон. Это была женщина. Лет сорока, с бледным лицом, на котором горели красные губы — не от помады, а от крови. Тушь под глазами потекла, образовав тёмные дорожки. Вид у неё был не грозный, а скорее затравленный, как у бездомной кошки, которую загнали в угол.

— Ребята, давайте договоримся, — сказала она хриплым голосом. — Я просто мимо проходила.

— Мимо проходила? — переспросил Глеб. — В запертую квартиру на восьмом этаже? Через магнитный замок? Ты кто вообще?

— Частный предприниматель. Без образования юридического лица.

Глеб опустил шокер, но не убрал его.

— Игорь? — спросил он.

— Игорь, — подтвердила женщина, вытирая губы рукавом плаща. — Он дал мне адрес. Сказал, что точка свободна.

— Точка не свободна, — отрезал Глеб. — Это наш клиент. У нас график, у нас договор, у нас лицензия. А ты — кто? Крыса подзаборная.

Женщина вздохнула и опустилась на стул, стоявший у кровати.

— Послушайте, — сказала она тихо. — Я знаю, что это неправильно. Но у меня выхода нет. Я в системе с девяносто восьмью года. Обратили меня тогда же, во время кризиса. Документов нет, лицензии нет, работы нет. Кто меня возьмёт? Только Игорь помогает, подкидывает

адреса за процент. Я не убиваю, не калечу, просто беру немножко, чтобы самой не сдохнуть. Вы думаете, мне нравится? У меня дети. Двое. Им есть надо, учиться надо, а я могу только это.

Она замолчала. В комнате повисла тишина, только слышно было, как тяжело дышит клиент, которому сегодня ночью досталось вдвойне. Сергей смотрел на женщину и видел то же, что видел в Зинаиде Аркадьевне несколькими часами раньше: живого человека. Не монстра, не злодея, а уставшую женщину с потёкшей тушью и кредитами, которая делает то, что умеет, потому что ничего другого не умеет.

Глеб молчал. Он смотрел на неё, потом на клиента, потом снова на неё. Сергей видел, как в нём борются начальник смены и человек. Начальник смены должен был вызвать службу безопасности, оформить протокол, сдать нарушительницу. Человек — просто хотел уйти и забыть.

— Ладно, — сказал наконец Глеб. — Вали. Но если я тебя ещё раз увижу — звоню в налоговую.

Женщина встала, поправила плащ и направилась к окну.

— Через дверь, — сказал Глеб. — Не хватало ещё, чтобы ты с восьмого этажа грохнулась.

Она кивнула и вышла через прихожую. Дверь за ней закрылась. Глеб подошёл к клиенту, проверил пульс, осмотрел шею. Следов укуса почти не было — пара маленьких ранок, которые к утру затянутся. Клиент спал, но его дыхание было чаще, чем обычно.

— Норма у него теперь какая? — спросил Сергей.

— Никакой. Она выпила граммов двести, не меньше. Если мы ещё добавим — он утром не встанет. Пишем в отчёте: клиент не в кондиции, забор невозможен по медицинским показаниям. Штрафа не будет, это форс-мажор. Но Шефу доложу. И про Игоря тоже.

— Думаешь, он знает?

— Уверен. Эта баба назвала его имя. И она не первая такая. Я слышал про левых вампиров, но не думал, что они под нами работают. Игорь, значит, крыса. Ну ничего, разберёмся.

Они вышли из квартиры и сели в фургон. Сергей чувствовал, как усталость накатывает волнами, но спать уже не хотелось. Слишком много впечатлений для одной ночи. Старуха с чаем и вареньем, которая ждала их как гостей. Женщина с потёкшей тушью, которая пила кровь, потому что не умела зарабатывать иначе. Игорь из отдела кадров с его вечной улыбкой и кружкой «HR — это вам не DR», который на самом деле вёл двойную игру. Вся эта ночная жизнь, скрытая от дневного света, была гораздо сложнее, чем Сергей представлял себе ещё сутки назад.

Фургон выехал на пустую дорогу. Впереди занимался серый осенний рассвет, подсвечивая края облаков холодным розовым светом. Глеб молча вёл машину, и Сергей видел, что он тоже устал, но по-другому — не физически, а морально. Как устаёт человек, который восемь лет работает на одной работе и вдруг обнаруживает, что работа эта совсем не та, какой казалась.

Склад встретил их запахом хлорки и гулом холодильников. Глеб сдал контейнеры, заполнил журнал, расписался. Сергей стоял рядом и смотрел, как лаборант в белом халате принимает пробирки, сканирует штрих-коды, раскладывает по ячейкам. Конвейер. Конвейер, который не останавливается ни на минуту.

В семь утра они вышли из здания склада. Глеб закурил, прислонившись к капоту фургона. Сергей стоял рядом и думал, что сейчас поедет домой, ляжет в кровать, закроет глаза — и не сможет уснуть. Потому что перед глазами будет стоять Зинаида Аркадьевна с её чашками и вареньем, и женщина в плаще с потёкшей тушью, и клиент на кровати, который так и не узнает, что сегодня ночью стал точкой пересечения двух миров — лицензированного и подпольного.

— Ну что, — сказал Глеб, выбрасывая окурок, — первая смена закончена. Завтра выходишь снова. И запомни: никаких чаепитий. Никаких разговоров. Никакой самодеятельности. Работа есть работа.

Сергей кивнул, хотя оба знали, что это обещание он не сдержит. Потому что в кармане у него лежала записка от Зинаиды Аркадьевны, и адрес, и телефон. И банка вишнёвого варенья в рюкзаке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.